

Лилия Подгайская

Проклятый замок

Герцогство Швабия

Замок Альгенгерд

Весна 914 года

1

Ночь выдалась беспокойной. Злой ветер яростно трепал деревья за окном и глухо завывал на разные лады в печных трубах. Но не это разбудило Гильдебранду, а острое чувство тревоги, охватившее её вдруг. Какой-то тихий звук, совершенно непонятный ей, заставил девушку открыть глаза и насторожиться. В щели окна, завешенного козьей шкурой, пробивался лунный свет, и можно было, пусть и не слишком ясно, рассмотреть, что делается вокруг. Никого не было видно, и всё же Гильдебранду не покидало ощущение, что в комнате кто-то есть. Не человек, нет, однако постороннее присутствие чувствовалось совершенно отчётливо, и девушка замерла от страха. Она никогда не запирала на ночь дверь своей комнаты, поскольку считала, что в родном

замке ей нечего опасаться. Но теперь горько пожалела об этом, тем более что в последнее время здесь стали происходить странные вещи.

Гильдебранда продолжала лежать тихонько, не шевелясь, и вся обратилась в слух. Вот снова раздался этот звук — очень тихий, какой-то шелестящий, как будто кто-то грубой мозолистой ладонью проводит по плотной шелковистой ткани. Вот снова, ещё раз, теперь уже ближе к её постели. Горло сжало от ужаса, и ни один звук не мог бы вырваться из него — она лишилась возможности даже закричать. Хотя в этой части замка она могла кричать сколько ей угодно, и никто бы её не услышал. В этом восточном крыле старого сооружения они жили только с матерью, комната которой была рядом. Служанки ночевали в маленьких комнатках возле кухни. Но теперь матери за стеной не было. Полгода назад, в середине осени, её добрая любящая мать внезапно умерла. Смерть настигла графиню неожиданно, на фоне полного здоровья и благополучия, и это было страшным ударом для осиротевшей дочери и повергнутого в крайнюю печаль графа.

Замерев и почти не дыша, девушка продолжала прислушиваться. Какое-то время было совсем тихо, потом вновь раздались звуки, но теперь уже другие. Казалось, что маленький несмышленный котёнок пытается выпить из

блюдечка, захватывая воду крохотным язычком. Потом стихли и эти звуки, и в комнате установилась полная тишина. Гильдебранде, однако, от этого не стало спокойнее, наоборот, сердце забилось в груди как колокол, и ей казалось, что удары его слышны даже в коридоре. О сне не могло быть и речи. Часа через два такого напряжённого бодрствования девушке показалось, что она слышит какое-то лёгкое посвистывание из коридора, и ещё почудилось, что дверь её комнаты тихонько приоткрылась. Но теперь она не была уверена ни в чём. Страшная бессонная ночь совсем лишила её сил.

Так же тихо и неподвижно Гильдебранда пролежала до самого рассвета и осмелилась встать лишь после того, как в комнату вошла её служанка Зельда.

Голова кружилась, во рту было сухо и неприятно — это пережитый страх оставил свои следы.

— Что-то вы совсем бледная сегодня, госпожа, если мне будет позволено это заметить, — нерешительно проговорила служанка, робко поглядывая на свою хозяйку.

Зельда стала прислуживать молодой графине лишь недели три назад и до сих пор не могла привыкнуть к своему новому положению. Прежняя служанка, которую приставила к Гильдебранде

мать, была крепкой уверенной женщиной, способной защитить свою хозяйку от любой напасти, и всегда была рядом с ней, даже спала в ногах у молодой хозяйки. Но не так давно случилось несчастье, и пожилая женщина неудачно упала, поскользнувшись на обледеневшей дорожке. Упала и больше не поднялась — у неё оказалась сломанной шея.

— Я просто плохо спала этой ночью, Зельда, — постаралась успокоить пугливую служанку Гильдебранда, — ветер так страшно завывал за стенами замка.

От всего боящейся и слишком робкой служанки толку всё равно не было, а ей хотелось кинуться кому-то на грудь, расплакаться и рассказать о своих ночных страхах, которые теперь, при свете дня, показались ей детскими фантазиями, хотя оставались страшными. Но кому? Мать в могиле, отец уехал ненадолго по своим графским делам, а рядом осталась только её прежняя няня Берта, которая прислуживает сейчас в западном крыле, где расположены покои графа и старшего брата девушки, Лиуфрида, который родился очень болезненным и странным ребёнком, и вовсе не мог ходить.

Гильдебранда медленно поднялась с постели, но вынуждена была ухватиться за стоящий рядом столик, чтобы не упасть, — голова кружилась

всерьёз, и комната на мгновение поплыла перед её глазами. И тут взгляд её упал на чашу с молоком, которое она вчера вечером принесла себе из кухни, чтобы лучше заснуть в такую ненастную погоду, но чем-то отвлеклась и забыла его выпить. Чаша была пуста. Но как же так? Она помнила совершенно отчётливо, что не выпила молоко. Куда же оно делось? И ей стало так отчаянно страшно, что даже горло свело судорогой. Что-то непонятное происходит вокруг неё. Непонятное и страшное. И оно добирается уже до неё самой. Этой ночью оно почти коснулось её, но почему-то прошло мимо.

Молодая графиня, в отличие от своей мягкой и, пожалуй, излишне доброй матери, имела решительный характер и была достаточно сильна духом, чтобы признать этот факт. А признав его, нужно было принять решение, очень важное решение — как защитить себя от невидимой, но ощутимой угрозы. Обдумав положение, девушка решила пока никому в замке не говорить о том, что произошло этой ночью, и ни одной живой душе не открывать до поры свои подозрения, которые клубятся сейчас в голове сплошными волнами тумана, неясные, но очень страшные. Никому — кроме отца, когда он вернётся. И она станет теперь всегда закрывать свою дверь на засов на ночь. И будет очень осторожна и внимательна днём.

Приняв такое решение, Гильдебранда немного

приободрилась, позволила Зельде одеть и причесать себя, а потом смело вышла из своей опочивальни навстречу новому дню.

Холодный и мрачный коридор, извивающийся несколькими поворотами, никогда раньше не казался ей страшным. Но сейчас бросались в глаза и толстые, промёрзшие за зиму холодные стены, и ледяное прикосновение каменных плит пола к ногам, и тусклый свет, проникающий сюда лишь через расположенные под самым потолком окна-бойницы. Перед каждым поворотом её сердце замирало от страха, и девушка была рада, что хотя бы трусишка Зельда идёт следом за ней, и она слышит её напряжённое дыхание. Служанкам, наверное, всегда было страшно в этих коридорах, но их ведь никто не спрашивает, чего они хотят и чего боятся.

Ближе к центральной части замка, где находился большой зал, окна стали побольше, хотя и располагались по-прежнему высоко. Но стало светлее и не так страшно. А потом повеяло теплом и запахом свежеепеченного хлеба — они приближались к кухне. Настроение Гильдебранды немного поднялось.

Она плотно позавтракала, чтобы восстановить пошатнувшиеся силы и отправилась в хозяйственный двор посмотреть, как чувствует себя родившийся только вчера жеребёнок, которого

принесла её верная кобылка Лютфа. И мать, и её новорожденный чувствовали себя хорошо, и это порадовало девушку. Она перекинулась несколькими словами с конюхом, приглядывающим за её кобылкой, и медленно пошла в сторону сада, уже украсившегося бутонами будущего цвета на плодовых деревьях. Здесь будет так красиво через недельку-другую. Мать очень любила их сад и проводила в нём много времени в хорошую погоду. Она не жаловала верховую езду, но очень чутко откликалась на красоту, любую — будь то человек, животное, дерево или цветок. В их саду цвели замечательные розы, удивительно пахнущий жасмин, но сейчас пробились только крокусы и нарциссы. Девушка задумчиво шла к любимой маминой скамье в глубине сада, и вдруг заметила движение на старой дороге, которой уже никто давно не пользовался, и она густо заросла по обочинам сорной травой. По этой дороге редко ходили, можно сказать, что и никогда. Но сейчас там был человек, и он приближался.

Гильдебранда притаилась за большим раскидистым деревом и замерла, всматриваясь в неожиданного путника. Вскоре она поняла, что это женщина, а ещё через несколько минут узнала Берту. Удивлению её не было границ. Что могла Берта делать в старом лесу, к которому вела дорога? Там нет поблизости никакого жилья, а в

дикую заросшую густоту в такое время ходить просто незачем. Между тем, Берта приближалась, и лицо её становилось всё отчетливее. Женщина была необычно бледна, губы плотно сжаты, а в глазах горел огонь непреклонной решимости, которого раньше никогда никто не видел. Берта была всегда милой и приветливой, и очень мягкой. Девушка проводила её глазами и присела на мамину скамью, глубоко задумавшись. Что, всё-таки, происходит?

Через некоторое время, выйдя из задумчивости, Гильдебранда двинулась в сторону дома и тут лицом к лицу столкнулась с неожиданно возникшей перед ней Бертой. Ей показалось, или действительно в выражении лица служанки промелькнуло что-то странное, а в глазах отразилось удивление?

— Вы уже встали, госпожа? — неуверенно проговорила она.

— А чему ты удивляешься, Берта? Сейчас не так и рано. И мне хотелось посмотреть, как чувствует себя наш новорожденный жеребёнок.

С языка девушки готово было сорваться множество вопросов к служанке, в том числе и куда и зачем она ходила так рано. Но она сдержала себя. Здравый смысл, унаследованный от отца, подсказывал ей, что нужно молчать и наблюдать. И какой-то внутренний голос, незнакомый ей прежде, гнал её обратно в опочивальню. Зачем? И вдруг она

поняла — надо спрятать чашу от молока, чтобы никто её не увидел, в том числе и Берта. Не осознавая, почему и для чего она делает это, Гильдебранда быстро прошла в свои покои и убрала с глаз пустой сосуд.

— Скорей бы вернулся отец, — с отчаянием прошептала она, — мне так страшно. И я не могу доверять никому. Даже Берте после сегодняшнего утра. Никому.

Раньше она пошла бы в комнату брата и поделилась с ним своими тревогами. Но в последнее время, уже года два, Лиуфрида как подменили. Он стал раздражительным и даже злым. С ней говорил свысока и очень неохотно. Даже мама замечала, что с мальчиком что-то происходит, но относилась это за счёт болезни, которая лишила его возможности ходить, и очень огорчалась. Рождение неполноценного наследника было для неё тяжёлым ударом. Отец успокаивал её, как мог, говорил, что они, любя друг друга, произведут на свет ещё много сыновей, но этого не случилось. После рождения дочери с графиней произошло что-то непонятное, и она больше не смогла понести, ни разу, какие бы горячие ночи любви не оставались позади.

Нервы девушки были напряжены до предела. Она готова была видеть опасность за каждым углом, за каждым поворотом коридора в замке,

таком огромном и старом. И только сейчас ей пришла в голову мысль, что в замке, поставленном на этой земле много лет назад, вполне могут быть потайные ходы и разные ловушки. Гильдебранда самым тщательным образом обследовала все стены в своей комнате, пол и даже, сколько могла достать, потолок. Но всё было спокойно, придраться не к чему. Она стала каждый вечер запирать свою дверь на большой надёжный засов, сорвать который не под силу и трём крепким воинам. Только окно оставалось теперь слабым звеном в её обороне, и девушке снова приходилось бодрствовать до рассвета, внимательно следя за пробитым в толстой стене отверстием, закрытым одной лишь шкурой. Разве это преграда, если кто-то действительно хочет убить её?

Наконец пришло известие, что граф Гунфрид возвращается домой. Гильдебранда испытала огромное облегчение. Ей казалось, что с её плеч свалился тяжеленный камень, который было уже не под силу нести, а сбросить нельзя. Отец — он такой сильный, он может всё! Он защитит её.

2

Графа ждали к обеду, а где-то после полудня в замке случилось ещё одно несчастье. Молодая служанка из числа тех, что убирают господские

покои, была обнаружена в дальнем коридоре первого этажа уже окоченевшей. На её теле не было найдено никаких повреждений, а между тем девушка была мертва, и на лице её сохранилось выражение ужаса и боли. Поднялся страшный переполох. Но старый управитель замка Дрейхон, служивший ещё отцу почившей графини Ренегинды, быстро навёл порядок, отправив всех по рабочим местам и призвав на помощь свою жену Глинит и местного священника. Глинит была очень спокойной и разумной женщиной, никогда не впадавшей в панику и слёзы. Она внимательно осмотрела тело погибшей служанки и только покачала головой.

— Тебя что-то смущает, жена? — спросил внимательно наблюдавший за ней супруг.

— Пока не пойму, Дрейхон, — женщина подняла на него глаза, — но мне всё это ужасно не нравится, и я склонна думать, что нам нужна помощь кого-то знающего. Сами мы эти загадки не разгадаем.

— О каких загадках ты говоришь? — удивлённо открыл глаза управитель. — Перед нами мёртвая служанка, и это всё. Правда, отчего она умерла, непонятно.

— У тебя, мне кажется, короткая память, муж мой, — заметила в ответ Глинит, — если ты забыл смерть графини, неожиданную гибель Ривы,

личной служанки молодой наследницы, и некоторые странности, которые случаются в последнее время в замке. Что-то происходит, я это чувствую. Но не могу понять, что именно, и откуда ждать следующего удара.

— Ты думаешь ... — взволнованно начал управитель, но тут к ним подошёл священник, и разговор прервался.

Тело девушки надо было предать земле. Родственников и близких людей у неё не было, поэтому всё сделали быстро и без лишнего шума. К приезду графа всё должно было выглядеть вполне спокойно — не стоило сразу озадачивать его сообщением о новой смерти в его замке, мужчина и так ещё не пришёл в себя после гибели жены.

К большой радости управителя молодой графини при всём этом переполохе в замке не было, она отправилась на верховую прогулку в сопровождении двух стражников, одну её отец велел не отпускать. Однако по возвращении домой, Гильдебранда сразу же услышала от слуг трагическую новость, и сердце её сковал страх.

— Как это произошло? — взволнованно спросила она.

— Никто ничего не видел, госпожа, — был ответ, — её тело просто нашли в коридоре, и священник сказал, что она умерла уже несколько часов назад.

Встревоженная донельзя Гильдебранда отправилась в свою комнату и заперлась там, в ожидании отца. Вот и ещё одно убийство. Не сама же вдруг умерла молодая девушка, здоровая и весёлая. Значит это правда, что какая-то опасная сеть плетётся в замке, и следующей жертвой должна быть она, наследница. Но кто, кто мог посягать на чужие жизни и желать зла ей, не обидевшей за всё время и котёнка?!

Граф прибыл в свой замок ближе к вечеру, усталый и запыленный после дальней дороги. И сразу почувствовал, что дома что-то неладно. Бросившаяся ему на грудь дочь выглядела бледной и осунувшейся, почти что больной, и судорожно прижималась к нему, словно ища защиты от чего-то страшного, как в детстве.

— Что случилось, девочка моя? Ты сама не своя, — тихо проговорил он, склонившись к ней.

— Потом, папа, мы поговорим немного позднее.

Дочь оторвалась от него и постаралась сделать спокойное выражение лица, хотя это получалось у неё не слишком хорошо. На душе у графа стало совсем смутно. Он постарался быстро переодеться, пообедал в одиночестве и, наконец, пригласил к себе дочь. Гильдебранда пришла очень быстро. Отец посмотрел в её измученные глаза.

— Расскажи мне всё, детка, всё до капельки,

что тебя волнует, — велел он.

И девушка рассказала — о страшной бессонной ночи, о своих сомнениях и подозрениях, о неожиданной смерти несчастной служанки.

— Это не мои выдумки, папа, — закончила она, — всё это действительно происходит, и я боюсь спать в своей комнате, всё время смотрю на окно, поскольку опасность теперь может прийти только через него.

— Я верю тебе, девочка, не сомневайся, — отец успокаивающе погладил её по голове. — Завтра же мы начнём ремонтные работы в восточном крыле, и ты переберёшься в комнату прямо над моей. Там вполне приличные покои, если их почистить и освежить. Насколько я знаю, там раньше жила твоя бабушка, а она ведь мирно умерла в своей постели. Так что опасаться не стоит. Хотя я так этого не оставлю, конечно, и завтра же начну расследование.

Он улыбнулся дочери:

— Ещё одну ночь, одну единственную переночуй в своей комнате, и оставь при себе служанку. А я поставлю возле двери и под окном по охраннику. Так что ты можешь выспаться в своё удовольствие. У тебя очень усталый вид, малышка моя, а нам всем понадобятся силы, если и действительно кто-то затевает недоброе в нашем замке.

— Благодарю, папа, — прошептала сквозь слёзы девушка. Какое счастье, что у не такой заботливый отец!

Гильдебранда ушла, а граф принялся мерить шагами свою большую, красиво отделанную деревянными панелями комнату. Да, дела шли из рук вон плохо. В замке творилось что-то непонятное и устрашающее, а в герцогстве и того хуже. После смерти прежнего короля Людовика Дитя на трон взошёл Конрад I, представитель новой династии. Первым делом он казнил старого герцога Швабии Бурхарда, обвинив его в государственной измене и посягательстве на права и авторитет монарха. Пока что он не может похвалиться особыми успехами в войне с язычниками-венграми, бесконечно разоряющими земли Восточно-Франкского королевства, однако настойчиво стремится взять в свои руки все бразды правления. А в их герцогстве рвётся к власти пфальцграф Эрхангер, и неизвестно, что из этого получится, поскольку король ему не благоволит. И к кому можно обратиться за помощью в таком положении?

Мысли не давали графу уснуть полночи, но утром она встал, как всегда, рано. Позавтракал и пригласил к себе управителя. Это было делом привычным, и никого не удивило. Но на самом деле разговор пошёл вовсе не о подготовке сева и не о

проблемах разведения коней.

— Как ты думаешь, Дрейхон, что может крыться за всеми этими событиями, которые случились в замке за последние полгода? Ты ведь не считаешь это случайными совпадениями? — напрямик спросил граф, встретив старого управителя.

— Я бы, может быть, ещё сомневался, Ваша Светлость, но моя жена считает, что всё это неспроста. А ей я привык доверять, она женщина наблюдательная и умная.

— Согласен с тобой, — кивнул головой граф. — И что же говорит Глинит?

— Она думает, что всё это началось не полгода назад, а гораздо раньше. И считает, что мы должны просить помощи у властей.

— Вот как! Она действительно умна, твоя Глинит. Но у кого можно получить помощь? У короля? Нет. У самовластного герцога Эрхангера? Тоже нет.

И что же делать?

— Я думаю, что вам следует обратиться с петицией к епископу Соломону в Констанц. Он разумный человек, и только он сможет нам помочь, мне кажется.

Граф нахмурился, покрутил головой, а потом улыбнулся.

— А ты, кажется, прав, Дрейхон. Так и

сделаем. Другого пути у нас всё равно нет.

В тот же день было составлено письмо и отправлен срочный гонец к епископу. А в замке начались ремонтные работы, вследствие чего молодая графиня перебралась временно в западное крыло. И теперь постоянно держала в своей комнате Зельду, от чего девушка преисполнилась гордости и перестала труситься как мышь от каждого слова.

Хозяин замка ждал ответа от епископа. Об этом знали только его дочь и старый управитель. Хотя, конечно, Глинит тоже была в курсе дела, за всю жизнь между ними с мужем не было ни единой тайны. И ей старый Дрейхон верил, как себе.

3

Ответ от епископа пришёл довольно быстро, и привёз его невзрачного вида монах средних лет, прибывший в сопровождении графского гонца. Управитель незамедлительно повёл монаха к графу и плотно прикрыл за собой дверь, сам встав на страже, — разговор хозяина с приезжим не должен стать достоянием посторонних ушей.

Граф недоверчиво взглянул на стоящего перед ним невысокого щуплого человека в монашеском одеянии — и чем, интересно, этот недомерок может помочь ему в таком сложном, таком запутанном

деле?

— Я брат Бенед, — представился гость, — и прибыл по повелению Его Светлости епископа Соломона, чтобы разобраться в той каше, которую заварил кто-то недобрый в вашем владении.

Он кашлянул и протянул хозяину замка скрученный в трубочку пергамент:

— Вот письмо, которое Его Светлость велел передать вам.

Граф принял из рук гостя послание епископа, вскрыл печать и принялся за чтение. И чем дальше он читал, тем легче становилось у него на сердце. Епископ писал, что посылает ему для неофициальной помощи (так будет лучше всего!) своего самого надёжного, проверенного во многих делах помощника, который наделён даром расследования странных и необъяснимых событий и никогда ещё не подводил его. «Брат Бенед имеет удивительную, феноменальную память, — писал епископ, — поэтому ему нет надобности вести какие бы то ни было записи, а это бывает исключительно полезным при некоторых делах щекотливого свойства. Боюсь, что и ваше дело, граф, окажется такого же порядка. А скандалы в герцогстве нам сейчас нельзя допускать ни при каких обстоятельствах». В конце епископ сделал приписку с просьбой сжечь это письмо сразу же по прочтении.

Закончив ознакомление с документом, хозяин незамедлительно исполнил просьбу епископа, бросив пергамент в жарко пылавший огонь, и совсем другими глазами посмотрел на своего гостя. Теперь в его взгляде проступило уважение. Граф приветливо обратился к нему:

— Я рад вашему приезду, брат Бенед, и велю поселить вас в самых удобных покоях. Отдохнёте немного и завтра приметесь за дело.

В проницательных, тёмных, как грозовое небо, глазах монаха проскользнуло насмешливое понимание, и граф даже несколько смутился, что его мысли стали доступны постороннему человеку.

— Благодарю вас, Ваша Светлость, но мне было бы удобнее в какой-нибудь комнате на отшибе, чтобы я мог приходить и уходить, пусть и через окно, когда в этом возникнет надобность. И расследование я начну прямо сейчас, с вашего позволения.

Граф улыбнулся и позвал управителя. Всё сделали так, как просил неожиданный гость. Потом он обошёл вместе с Дрейхоном весь замок, заглянув, казалось, в каждую щель, а следом и немалую прилегающую территорию, где всё внимательно осмотрел. Задал множество вопросов, получил на них исчерпывающие ответы и только потом удовлетворённо вздохнул.

— Вот теперь можно и отдохнуть, —

улыбнулся он, и его суровое лицо внезапно осветилось мягким светом и сразу помолодело.

С утра брат Бенед прежде всего отправился к местному священнику, побеседовал с ним за закрытыми дверями и только после этого принялся за работу. Ему следовало опросить практически всех, кто жил в замке, а на это требовалось много времени. Он устроился в маленькой комнатке за залом, где управитель держал всё необходимое для больших приёмов, которые случались раньше в Альгенгерде — последние годы стало уже не до них.

Первой на беседу пригласили Гильдебранду.

— Я хотел бы услышать из ваших уст, графиня, что так напугало вас, и что вас тревожит в последнее время. Только, прошу вас, вспомните всё, каждую мелочь, какой бы незначительной она ни казалась на первый взгляд.

Девушка взглянула в глаза брата Бенеда, которые смотрели на неё приветливо и внимательно, и слова полились из неё, как вода из открытой бочки. Она так давно хотела выговориться, до самого дна вылить всё, что её волнует, но даже отцу сказала только самое главное. Теперь же, она это чувствовала, можно было говорить обо всём, даже о тех неясных подозрениях, что всё ещё густым туманом клубились в её сознании.